

Интервью с Будимиром Гвидоновичем ТУКУМЦЕВЫМ

«ТО, ЧТО Я ОКАЗАЛСЯ В СОЦИОЛОГИИ, СВЯЗАНО СО СЧАСТЛИВОЙ СЛУЧАЙНОСТЬЮ И С МОИМ ИНТЕРЕСОМ К ПРОБЛЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ»

Тукумцев Б. Г. – окончил Ленинградский электротехнический институт железнодорожного транспорта с дипломом инженера по автоматике и телемеханике, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург. Основные области исследования: социология труда, управления и инноватики. Интервью состоялось в 2009 году.

Будимир Гвидонович Тукумцев – ровесник тех, кто образует первое поколение отечественных социологов. Но в нашу науку он пришел в начале 1970-х, когда многие из представителей этой когорты уже стали признанными специалистами. Однако большой опыт хозяйственного и партийного руководителя, стремление искать эффективные способы решения проблем на производстве, обостренное чувство нового в социальной сфере быстро сделали Тукумцева одним из ведущих социологов труда.

Большую часть жизни Тукумцев прожил вне Ленинграда/Петербурга, но, по моему мнению, он – заметный представитель ленинградской социологической школы. Он родился в Ленинграде, воспитывался в высокообразованной и многокультурной семье, верной традициям петербургской интеллигенции. В Ленинград он приезжал не только для обсуждения профессиональных тем с В.А. Ядовым. Ему близка была особая атмосфера, существовавшая в те годы в ленинградской социологии. Было и обратное. Тукумцев всегда воспринимался своим в Ленинграде.

Тукумцев Б. Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления»¹

Будимир Гвидонович, пожалуйста, расскажите о том, в какой семье Вы родились? О чем говорит Ваша фамилия, имя и отчество? Мне в Вашей фамилии слышится что-то южно-русское или татаро-башкирское. Имя Вашего отца – Гвидон – редкое. Оно от Пушкина или у него есть иное происхождение? Откуда Будимир? Опять же славянское (типа, Влади-мир, Вели-мир) или дань Революции?

Сначала несколько слов об имени Будимир. Для того, чтобы рассказать о его происхождении, необходимо начать с того, что мои родители были лингвистами. Отец учился на Историко-филологическом факультете Петроградского университета. Мама закончила в Петрограде Бестужевские курсы. Не исключено, что именно этим объяснялось их желание найти для своего сына имя в той эпохе, которая была им профессионально ближе. Они нашли его в древнеславянском эпосе.

Из сказания об Илье Муромце известно, что когда этот богатырь победил на Киевской дороге Соловья – разбойника, он решил показать его Киевскому князю Владимиру. Однако ни сам князь, ни его бояре не поверили, что стоящий перед ними карлик и есть гроза киевских дорог. И тогда Илья, подняв разбойника за шиворот, скомандовал «А ну-ка, Соловей Будимирович, свистни!». Что было дальше – известно. Но отсюда следует, что имя отца разбойника Соловья – было Будимир. Вот оно-то и привлекло к себе внимание моих родителей и сопровождает меня всю жизнь. Оно из того ряда старославянских имен, которые Вы перечисляли, и в которые вкладывалось определенное содержание – Владеть миром, Новить мир, Будить мир и т.д. Аналогичным образом отнеслись родители и к поиску имени для моей младшей сестры. Ее зовут Лада.

Теперь, по поводу фамилии. У моего отца была немецкая фамилия – Мейер. Его предки по мужской линии были прибалтийскими немцами, выходцами из латышского города Тукум на Рижском побережье. Дед был известным в России, отмеченным государственными наградами, менеджером ряда крупных компаний. Что касается матери моего отца, то она имела смешанное эстонско-финское происхождение и девичью фамилию Перелийнен. В этом семейном «интернационале» все говорили только по-русски.

Что касается моей мамы, то ее происхождение также имеет не одни национальные корни. Отец ее, офицер Российской армии В.И. Назаревский, закончивший службу в чине подполковника, заслуживший личное дворянство и множество боевых наград за русско-турецкую кампанию 1877–1878 гг., был украинцем. Жена его, дочь белорусского фермера, была полькой. Считали же они себя русскими, хотя в семейном быту сохранялся украинский фольклор, элементы польской национальной культуры.

Фамилия Тукумцев появилась в нашей семье незадолго до второй мировой войны в виде псевдонима моего отца. В 30-е годы редакторы печатных изданий стали намекать отцу на необходимость использования псевдонима в своих работах. Перестали печатать статьи под его официальной фамилией. Особенно остро встал этот вопрос, когда зашла речь об издании первого стандартного учебника русского языка для средних школ под редакцией академика Л. Щербы и профессора С. Бархударова, в создании которого отец принимал активное участие.

Отец сделал попытку официально переименовать фамилию, но она была безуспешной. Необходимые документы, которые хранились в церкви, были к тому

1 Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11–23.

времени уничтожены. Поэтому всю оставшуюся жизнь он был известен среди коллег лингвистов и своих учеников как Мейер-Тукумцев. Происхождение псевдонима нетрудно угадать. В его основе город предков – Тукум (ныне Тукумс).

Я переименовал фамилию в послевоенные годы. Уже после окончания института. С этого момента литературный псевдоним отца был закреплен с его согласия и по его просьбе в качестве моей официальной фамилии.

Далее, Вы спрашиваете о происхождении имени отца. Семья, в которой он был рожден, относилась к лютеранской конфессии. В соответствии с сохраняющимися там традициями новорожденному дается несколько имен. В случае с моим отцом, одним из таких имен было имя Гвидо. Поскольку в семье любили русскую литературу и знали наизусть почти все поэмы Пушкина, имя Гвидо ко времени совершеннолетия отца трансформировалось в Гвидона, и было закреплено официально.

Я родился в первый день 1927 года на Миллионной улице, в доме напротив входа в Эрмитаж. Там находилось общежитие Военно-политической академии им. Толмачева, где в ту пору мой отец работал на кафедре русского языка. Довольно скоро наша семья переехала на Петроградскую сторону, и мы поселились на улице Съезжинской. Это была типичная для Ленинграда семья питерских интеллигентов – преподавателей, ученых. Мой отец, Гвидон Романович, был известным лингвистом, специалистом по синтаксису русского языка и сравнительной грамматике русского и эстонского языков. Перед Отечественной войной он преподавал в педагогических институтах им. Герцена и им. Покровского, на областных курсах учителей русского языка эстонских школ. Мама заведовала библиотекой в школе на Петроградской стороне, где учились и мы с сестрой.

Родители уделяли нам много внимания. Нас водили в театры, музеи, на выставки. Дома устраивались семейные литературные вечера. Детская память сохранила два предмета того быта – огромную библиотеку и рояль «Беккер».

Репрессии 30-х годов чудом не коснулись нас. Но хорошо помню, что некоторые наши знакомые попали в эти политические жернова. Да и я сам, будучи еще учеником третьего класса, оказался в очень неприятной ситуации в 1936 году. Под моей партой школьная уборщица обнаружила маленький, вырезанный из тетрадной обложки портрет Сталина. Поперек портрета детским почерком было написано слово «черт». Следствие (настоящее следствие) длилось более недели. Комиссия из районного отдела образования приходила к нам домой и проверяла мои тетради. Меня многократно заставляли писать какие-то фразы. В конце концов, с меня подозрение сняли. Уже значительно позже я понял, как хорошо, что это был год 1936, а не 1937. Тогда малейшего подозрения, неосторожного слова было достаточно, чтобы оказаться в следственном изоляторе НКВД. Наверное, Вам сразу же захочется меня спросить, а как я сам тогда относился к этим событиям. Отвечу. С уверенностью, что это необходимые меры. Эту веру в правоту происходящего внушала нам школа со всеми ее общественными организациями и в какой-то степени родители, которые боялись за наше будущее. Ведь даже о том, кто и кем были наши предки, чем они занимались и каковы были их заслуги перед отечеством, родители рассказали нам с сестрой только после 1956 года, после разоблачения культа Сталина.

Мирный ход нашей семейной жизни прервала фашистская агрессия 41 года. Спасая школьников от бомбежек, городские власти стали вывозить их из Ленинграда. Одних на восток и на Урал, других в Новгородскую и Псковскую области. По второму варианту оказались вывезенными и мы с сестрой, вместе с мамой, как сотрудником школы. Нашей школе было предписано жить в деревне Каменный Остров, недалеко от города Боровичи. И все бы было хорошо, если бы чуть позже не выяснилось, что мы там обречены. И не только наша школа. Все места расселения школьников в этих двух областях оказались на пути движения германских войск, окружающих Ленинград.

Некоторые школы, увидев (именно так, воочию) приближающихся оккупантов, кто на чем мог, успели добраться до линии своих войск, а затем до родного города. Но были и такие, которые остались под оккупацией. Все это происходило потому, что положение фронтов было засекречено. Никто толком не знал, где войска вермахта, а где наши. В том числе, не знали об этом и органы образования, которые руководили эвакуацией детей.

Нас спас отец. Институт Покровского, где он работал, закрыли, и он отправился к нам на воссоединение семьи. Поезда по Октябрьской железной дороге ходили на тот момент от Ленинграда только до станции Окуловка. От нее отец шел пешком около полусотни километров. Добравшись до нас он сообщил, что г. Бологое взят немцами, железная дорога перерезана и немецкие части двигаются в нашу сторону. Только благодаря его информации школа успела выехать в Ленинград до подхода германских войск по железной дороге, идущей от Рыбинска.

Но в родном городе семье надолго задержаться не пришлось. Поскольку и отец, и мать к тому времени оказались безработными, а отец был «белобилетник» – инвалид по зрению, да к тому же ему было за 50, им было выдано предписание о эвакуации в Северный Казахстан. За двадцать дней до закрытия блокады мы выехали из Ленинграда в далекое степное село Иртышское Павлодарской области. Это был центр большого сельскохозяйственного района, расположенный на берегу реки Иртыш. Там родители работали учителями в средней школе. Отец был завучем. Сестра и я учились. Но я учился заочно, потому что одновременно работал в местной школе механизации сельского хозяйства трактористом, а затем инструктором тракторного дела. В ту пору мне уже исполнилось 14 лет, и я был мобилизован по закону военного времени в «трудовую армию».

По окончании войны родители оказались в Таллинне по приглашению Министерства просвещения Эстонии. Ленинградская квартира была безвозвратно занята военным ведомством, библиотека сожжена. Возвращаться в Питер им было некуда. В Таллинне отец до последних своих дней работал заведующим кафедрой русского языка Таллиннского педагогического института. Написал и издал ряд учебников по русскому языку для старших классов эстонских школ. Мама в том же пединституте до выхода на пенсию преподавала русскую литературу.

Что повлияло на выбор Вами профессии? Вы не могли исходно желать стать социологом или политологом? В 40-е годы таких профессий в СССР никто не знал. Кто Вы по базовой профессии, исходному образованию?

Не помните ли Вы, когда и почему начали задумываться о социологии и о профессионализации в этой новой области? Что манило? Новизна, романтика? Нежелание работать по первой профессии? Осознание скрытых возможностей новой науки?

На эти вопросы мне трудно отвечать отдельно, они настолько связаны, что лучше их объединить.

Проблема выбора новой для меня профессии, профессии социолога, возникла у меня, разумеется, не в начале моей жизни, когда я оканчивал школу. С возможностью заниматься социологией я столкнулся много позже, в зрелом возрасте, когда у меня за плечами был уже значительный стаж работы совсем по другой специальности. В 1943 году, еще в Казахстане, я был принят на подготовительное отделение Ленинградского электротехнического института железнодорожного транспорта (сейчас он объединен с ЛИИЖТом), который был эвакуирован в г. Алма-Ату (теперь г. Алматы). Поступая туда, я преследовал, честно говоря, единственную цель – вернуться после окончания войны вместе с институтом в родной город. Мечты о поступлении на юридический факультет, которые посещали меня в те годы, были отброшены. После

двухлет работы в сфере сельской механизации техническое образование меня не пугало. К тому же студентам железнодорожного института давали рабочую карточку на хлеб. И это имело огромное значение для студента, живущего вне семьи. Конечно, и для меня, и для моих родителей было очевидным, что я был более склонен к гуманитарным знаниям. Но, решение, тем не менее, было принято и я, сначала в Алма-Ате, а затем в Ленинграде, закончил учебу и получил диплом инженера по автоматике и телемеханике железнодорожного транспорта.

Признаюсь, во время учебы в институте я больше сил и времени уделял культурно-общественным действиям, чем углублению своих технических знаний. Учился я вполне прилично, хоть и без особого энтузиазма. На завершающих курсах был отличником. Но диспуты, лекции видных деятелей культуры в доме общества знаний на Литейном, студенческие «капустники», организация воскресников по восстановлению Ленинграда увлекали меня значительно больше и занимали все мое свободное время. Последние годы учебы я был избран секретарем комитета комсомола, был принят в партию. Но быть «беззаветным» «солдатом партии» у меня уже тогда как-то не получалось. Именно в те годы я начал впервые ощущать «двоемыслие» по отдельным идеологическим вопросам. Правда, это не мешало мне сохранять высокую идентификацию с господствующими в те времена общественными идеалами. Что проявилось, в частности, в том, что я не считал для себя возможным, когда учеба была закончена, отказаться от направления на работу в Сибирь, на Омскую железную дорогу. И прибыл туда в срок – в августе 1948 года.

А потом прошло долгих 20 с лишним лет работы по специальности. В течение этого времени я последовательно, начиная с линейного электромеханика, прошел длинную лесенку руководящих постов. Мне довелось около 16 лет быть руководителем двух линейных предприятий автоматики и связи, избираться на партийную работу, в том числе в ранге секретаря районного комитета в г.Куйбышева (ныне г. Самара). Следует отметить, что это «хождение во власть» оставило у меня тяжелое впечатление. И когда у меня обнаружили болезнь позвоночника, я воспользовался этим, чтобы оставить свой партийный пост. Последнее место моей несоциологической работы находилось в г. Самаре. В конце 60-х годов я стал главным инженером одной из служб Куйбышевской железной дороги. Честно говоря, это была достаточно скучная, бюрократическая деятельность.

Именно тогда, а был это 1970-й год, у меня появилось желание перейти на научную работу в Технический университет и заняться там единственным, на что я имел право рассчитывать, а именно теорией телемеханики. Я начал подготовку к сдаче кандидатских экзаменов. И в соответствии с требованием процедуры написал реферат по философии – «Социальные последствия научно-технического прогресса». Мне легко далась эта тема, потому-что все последние годы, будучи руководителем, я читал много книг по проблемам управления, работы Ф. Тейлора, А. Гастева, В. Керженцева. С особым интересом читал я работы отечественных философов, которые под флагом критики буржуазной социологии и зарубежной науки управления давали очень толковые обзоры социологических работ западных авторов. Меня очень интересовали знания такого рода. Еще в мою бытность руководителем предприятия, с коллегами по работе, а рядом со мной оказалась группа очень инициативных, молодых творческих людей, мы постоянно совершенствовали методы управления персоналом. В частности, пытались решить проблему повышения качества труда в условиях, когда осуществление постоянного контроля над поведением работника невозможно. Для эксплуатационного процесса эта проблема была, как и сейчас, достаточно актуальна.

Уже через пару дней после написания реферата меня нашел по телефону и пригласил к себе заведующий кафедрой философии университета Е.Ф. Молевич.

Ничего не говоря о содержании реферата, он сходу предложил мне подумать о переходе на кафедру философии для руководства большой социологической лабораторией, которая к тому времени была там создана. Он описал множество преимуществ такого варианта перехода в науку по сравнению с работой на технической кафедре и всячески советовал воспользоваться возможностью более глубокого знакомства с социологией. Я был ошеломлен таким неожиданным предложением, но обещал подумать.

Первая в Куйбышеве (Самаре) социологическая исследовательская лаборатория, куда меня приглашал профессор Е.Ф. Молевич, была создана в 1969 году при кафедре философии Технического университета. Инициатором ее создания, как ни странно это сегодня звучит, стал лично первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Это был опытный и талантливый руководитель. Но даже для него подобный шаг представлял собой в те годы рискованную инициативу. Идеологическое ведомство ЦК КПСС жестко пресекало активность по распространению социологической практики на периферии. Не случайно, все кафедры обществоведения технического университета г. Куйбышева, где должно было появиться социологическое подразделение (Истории партии, Научного коммунизма, Политэкономии), приняли его «в штыки» и делали все возможное, лишь бы не позволить новому научному коллективу закрепиться на кафедре философии.

Смелость, проявленная секретарем обкома, основывалась на особом статусе Куйбышевской области. Значительная часть ее промышленности представляла собой ракетно-космический комплекс. Важность для руководства страны этого комплекса создавала для Областного комитета партии определенный статус «неприкасаемости» и даже «вседозволенности».

Словом, благодаря обкому партии, социологическая лаборатория сумела получить фонд зарплаты и набрать штат. А штат был не мал – более 28 человек. Это были люди самых разных профессий, которые рискнули попробовать себя в новой области знаний и деятельности. Все они имели уже какой-то опыт работы в различных сферах, но по каким-то причинам расстались со старым местом работы. Ситуация не давала им времени для глубокого освоения нового вида деятельности. Нужно было отрабатывать зарплату. И, прежде всего, следовало определить объект исследований, его проблемы.

Поскольку большую часть сотрудников лаборатории составляли люди с гуманитарным образованием, у них появилось желание испробовать свои «исследовательские силы» на объектах культуры. В частности были попытки заняться проблемами кинопроката. Но вскоре выяснилось, что культура – это не тот социальный институт (в советских условиях), который способен оплачивать затраты на исследования. Попытки заняться проблемами идеологической работы, несмотря на поддержку партийных органов, также не нашли своего продолжения. Тогда группа сотрудников была командирована в Москву, где, посетив Институт конкретных социологических исследований РАН, они познакомились с методиками и получили некоторые рекомендации по составлению на предприятиях и для предприятий планов социального развития.

Следуя в этом направлении, лаборатория, опять же при поддержке обкома партии, заключила договор на составление таких планов с двумя крупными предприятиями и приступила к работе. Можно себе представить, насколько трудно было им разобраться в социальных производственных проблемах, если подавляющее большинство из них вообще впервые увидели заводской цех.

Между тем, партийные органы, давая новой социологической лаборатории шанс на выживание, ждали от нее вполне конкретных результатов. Ждали серьезной исследовательской работы на предприятиях на хоздоговорной основе. Никто за счет бюджета этот исследовательский коллектив содержать не собирался.

Заведующий кафедрой прекрасно понимал, что уже прошел первый год и вскоре придет пора спроса за результаты. Ему нужен был такой руководитель лаборатории, который бы, с одной стороны, пользовался поддержкой партийных органов и мог отбивать атаки местных идеологов-консерваторов, а с другой, был способен ориентировать социологические исследования в сферу реальной экономики и получать оплату за свою продукцию. Почему-то он решил, что именно я отвечаю этим требованиям и поэтому не жалел ни времени, ни сил на уговоры.

Я долго раздумывал по поводу возможного поворота в своей жизни. Сама исследовательская работа в области социологии меня не пугала. То, что я смогу заниматься исследованиями не в технической, а в социальной сфере, меня даже радовало. Тем более, что я уже в общих чертах представлял себе, о чем идет речь. Мне казалось, что в какой-то степени предстоящие исследования могли бы стать продолжением моих управленческих поисков новых подходов к руководству людьми. Значительно больше сомнений возникало по поводу реальности достижения серьезного успеха на новом для меня поприще. Насколько я буду, например, в состоянии усвоить за короткий срок основы социологического знания, методы и процедуры исследований. Ведь у меня не было даже гуманитарного образования. К тому же надо было принимать в расчет и мой возраст. В тот год мне исполнилось 44 года. Было опасение – не станет ли все это профанацией науки.

Была, правда, и еще одна проблема – материальная. Переход в Университет означал для меня и семьи заметное снижение уровня нашего дохода. Во всяком случае, до будущей защиты диссертации. Но на семейном совете было решено не принимать в расчет эту потерю. Проблема виделась лишь в неясности перспективы такого выбора.

Кто оказал влияние на становление Вас как социолога? Скорее всего это были люди Вашего поколения. Почему Вы им поверили? Как происходила Ваша специализация? Кто направлял, руководил?

Я решил связаться с кем-либо из социологического сообщества в столичных городах. После длительных телефонных поисков мне повезло. Мои друзья в Ленинграде поговорили с руководителем Ленинградского филиала московского института социологических исследований Владимиром Александровичем Ядовым. И он дал ясный и четкий ответ на интересующие меня вопросы. Он сказал, примерно, следующее. Ситуации, подобные моей, когда социологической практикой начинают заниматься не гуманитарии, а обычные для нашей страны. Занятие социологическими исследованиями, безусловно, имеют перспективу. Они становятся прикладной частью большой научной дисциплины, которая будет играть важную роль в жизни общества. И еще он сказал, что готов принять меня, если я приеду к нему для консультаций.

Этим в моих сомнениях была поставлена точка. Можно сказать, что ответ Владимира Александровича решил мою судьбу. И на протяжении более чем тридцати лет, с той поры, он стал для меня и учителем, и наставником, и большим другом. При его участии в Самаре был создан авторитетный социологический центр, известный своими исследованиями и научными семинарами в области социологии труда и социально-трудовой сферы. Владимир Александрович приглашал меня и моих коллег для стажировок, включая нас в число участников проектов. Мы участвовали в известных исследованиях: «Ценностные ориентации», «Человек и его работа–76» (причем, и в Ленинграде и в Самаре). В последние годы это было исследование, проводимое В.А. Ядовым совместно с канадскими учеными: «Становление трудовых отношений в постсоветской России» (2002 г.).

В 1987 году в Самарском государственном университете на базе нашего исследовательского центра по инициативе социологической лаборатории был открыт социологический факультет. Сейчас там обучается около 900 студентов. За участие в

становлении этого факультета, которое заключалось в очень конкретной помощи при составлении учебного плана, в чтении лекций студентам и преподавателям Владимиру Александровичу было присвоено звание «Почетного профессора» Самарского университета. Он подарил факультету часть своей научной библиотеки. В 1995 году в университете было подготовлено и издано тиражом в 10 тысяч экземпляров четвертое издание его книги «Социологическое исследование: методология, программа, методы».

Но все это было много позже. А тогда, в 1971 году, я пришел на кафедру философии и в первый раз увидел моих будущих коллег, которые смотрели на меня кто с надеждой, а кто с сомнениями. Одних смущало мое хозяйственно-партийное прошлое, других мой возраст.

Уже на первом этапе знакомства выяснилось, что мой производственный опыт для начинающих социологов не бесполезен. Мы пришли к согласию, что лаборатория будет разрабатывать лишь концепции социальных планов развития предприятий, основанные на материалах опроса и полученных объективных данных. Она откажется от самостоятельности в практической части работы. Я постарался убедить своих коллег, что только с привлечением опыта и знаний специалистов предприятий возможно превращение научной концепции в конкретный план социально-экономических мероприятий. Мы договорились также о том, что опросы, которые предваряют формирование основных задач плана, должны быть более глубокими и профессиональными.

В лаборатории началась учеба. За основу были взяты книги, полученные мною от моих друзей из Ленинграда. Прежде всего, это было первое, изданное в Тарту, учебное пособие В.А. Ядова «Методология и методика социологического исследования». Благодаря этой книге мы начали использовать в работе нормальную терминологию и четко представлять себе процедуры социологического исследования. Вторым нашим приобретением стала книга «Человек и его работа», подробное изучение которой заняло несколько месяцев. Знакомство с этими двумя трудами, которые сегодня рассматриваются как отечественная социологическая классика, буквально преобразило работу лаборатории. Она стала более целенаправленной, творческой. Изменилось представление о проблемах и направленности социального развития и его критериях. Изменилось содержание опросных листов, как и задач, проводимых опросов. В работе на предприятиях появилась уверенность. Приходило первое понимание того, что мы можем и должны делать. И тогда я выехал в Ленинград для знакомства с Владимиром Александровичем Ядовым.

Какими оказались Ваши первые впечатления от новых ленинградских коллег?

Помещение, в котором располагался филиал ИКСИ РАН в Ломоносовском переулке, что за Гостиным двором, представляло собой три неопределенной формы просторных комнаты, расположенных на трех этажах, соединенных лестницами. Именно из-за такой необычной вертикальной конструкции это помещение получило в те годы название «башня». Обитатели «социологической башни» встретили меня дружелюбно, с пониманием моих проблем. Владимир Александрович с интересом выслушал мой рассказ о Самарской социологической лаборатории и разрешил мне участвовать во всех мероприятиях сектора, знакомиться с методиками исследования и, при желании, участвовать в «полевой» работе. В это время в отделе разворачивалась работа по исследовательскому проекту «ЦО» (Ценностные ориентации). Оно предполагало использование более двух десятков процедур и методик. Ежеженедельно, а иногда и чаще, в «башне» шло обсуждение методологических проблем исследования. Параллельно осуществлялся «полевой этап». Опросы проводились в проектных организациях и конструкторских бюро (исследовалась социальная деятельность инженеров).

К этому следует добавить, что Владимир Александрович, будучи главой

городского сообщества социологов, регулярно организовывал социологические семинары, выступал с лекциями, проводил встречи с зарубежными социологами, на которые собиралось немалое число слушателей. Семинары проводились в больших помещениях. Например, в Доме ученых. И я старался не пропустить ничего, мотаясь по городу с утра до позднего вечера. Огромную помощь в усвоении теоретических и методических разработок отдела оказывали мне милые, добрые сотрудники филиала: Галина Иосифовна Саганенко, Лилия Викторовна Бозрикова, Вера Васильевна Водзинская и другие.

«Башню» постоянно посещали известные ученые-социологи, работавшие тогда в Ленинграде. Здесь я познакомился с Игорем Семеновичем Коном, Андреем Григорьевичем Здравомысловым. Довелось мне присутствовать и на празднике, устроенном в честь приезда в гости к Владимиру Александровичу всего состава тартуской социологической лаборатории во главе с Юло Вооглайдом и Мэрю Лауристин. Общение с ними было очень интересным и полным юмора, начиная с их появления. Во главе колонны гостей, поднимавшихся по ступеням «Башни», шли два молодых человека, которые несли на плечах бочку с пивом.

Два месяца, проведенные мною в Ленинграде, трудно переоценить с точки зрения приобретения мною исследовательского опыта. Я вернулся домой со значительным багажом знаний и умений. Я научился ценить теоретические основы исследования. Получил первые навыки серьезной методической работы. Особенно обрадовало то, что Владимир Александрович предложил мне сотрудничество, проведение в Самаре некоторой части полевых работ по ряду методик проекта «ЦО». И мы ее успешно выполнили.

Встреча с ленинградцами была не последней. Уже со следующего года начался регулярный «обмен делегациями». Вскоре сектор, руководимый В.А. Ядовым, вошел в состав ИСЭПа. Мы участвовали в пилотировании методик для исследования «Человек и его работа -76». Использовали основные выводы этих исследований для разработки социальных технологий и делали в Ленинграде, на заседаниях сектора сообщения о их внедрении в практику. А сотрудники сектора знакомились в Самаре с результатами внедрения этих технологий. Следует упомянуть, что внедрение технологий оформлялось актами в полном соответствии с государственными стандартами. Один экземпляр таких актов мы передавали ленинградцам. В 1979 году было решено провести в Самаре совместный семинар по перспективам решения социальных проблем труда на предприятиях. В гости к нам прибыл весь состав сектора во главе с шефом. Приехали коллеги-социологи из Донецка и Минска. Это было запоминающееся событие. В работе семинара приняли участие многие преподаватели Самарского университета, включая ректора. Почему я упоминаю присутствие ректора? Потому, что это был Рябов Владимир Васильевич, который в восьмидесятых годах, будучи заместителем заведующего отделом науки ЦК КПСС, приложил немало сил, чтобы Владимир Александрович баллотировался на пост директора-организатора Академического института социологических исследований.

Со времени самарской встречи общение между Самарским социологическим центром и Ленинградской социологической школой стало регулярным. Столь же регулярными стали научно-практические семинары по проблемам социологии труда в Самарском университете, на которые съезжались социологи со всей России от Ленинграда до Красноярска. А в 1987 году на берегу Волги в здании большого туристического комплекса по нашей инициативе была проведена первая Всесоюзная конференция «Социология труда и перестройка».

Чем Ваша лаборатория зарабатывала на хлеб насущный?

Как я уже говорил, работа Самарской социологической лаборатории началась,

как и во многих других местах, с составления для предприятий планов социального развития. Наш опыт по обоснованию концепций и непосредственному составлению этих планов с каждым годом увеличивался. Всего за время своей работы лаборатория подготовила, защитила и передала предприятиям области более 30 планов социального развития. Кроме руководителей предприятий к нам обращались главы территориальных образований с просьбой подготовить аналогичные планы для городских районов и малых городов. Для работы по подготовке и формированию таких планов в лаборатории создавались исследовательские группы. Их возглавляли наиболее успешные и опытные сотрудники: Ольга Кузьминична Самарцева, Анна Семеновна Готлиб, Ирина Ефимовна Столярова, Лидия Михайловна Полянцева. Вспоминая эти годы, мне хочется отметить, что, несмотря на стандартность процедуры разработки социальных планов, мои коллеги превращали эту работу в творческий процесс. Они постоянно вносили дополнения и изменения в методики социального планирования, находили новые проблемы и новые объекты изучения. Все это открывало для них возможность публиковать нетривиальные результаты их исследований. И, тем не менее, не исключено, что, следуя таким курсом, лаборатория так бы и превратилась в некое специализированное узко-прикладное предприятие по планированию. Но перерыв в этой относительной монотонности произошел благодаря одному из наших заказчиков – Волжскому автомобильному заводу и нашим ленинградским наставникам.

Создавая концепцию социального развития автогиганта, мы столкнулись с массой социальных проблем. Они возникали и негативно влияли на деятельность персонала, несмотря на передовое по тому времени оснащение цехов. Несмотря на высокую, в сравнении с другими отечественными предприятиями, культуру производства и высокий имидж предприятия. Проблемы порождались, прежде всего, использованием на заводе преимущественно неквалифицированного труда. По нашим подсчетам (а мы создали для этого специальную методику) к неквалифицированному труду относилось более двух третей рабочих мест. Этой жестокой реальности заводскими «трудоустроителями» противопоставлялась официальная тарифная сетка, из которой следовало, что на предприятии трудится более 70% работников высококвалифицированного и квалифицированного труда и только четверть составляют неквалифицированные работники. Секрет несовпадения заключался в том, что составленная на предприятии тарифная сетка позволяла в условиях советской системы оплаты труда несколько повысить зарплату значительной части работников завода.

Но это не снимало всех тех последствий, которые связаны с использованием низкого содержания труда. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наше первое исследование на заводе обнаружило небывало высокую в сравнении с другими предприятиями, где мы работали, потенциальную текучесть.

Уже на следующий год она стала реальной и привела в изумление руководство завода. С передового предприятия в течение года уволился каждый девятый работник. И вот тут произошло нечто для нас важное. Руководство завода решило обратиться к нам с просьбой, найти способ смягчения причин, побуждающих людей, в основном молодежь, увольняться с предприятия.

И мы нашли хоть и частичное, но достаточно действенное решение этой проблемы. Мы использовали методологию «мотивационного ядра», выявленного в исследовании ленинградцев «Человек и его работа». Это ядро включало три мотива: материальный, содержание работы и перспективы профессионального продвижения. Первый и второй мотив не могли быть использованы для сокращения текучести. Это было не во власти завода. Но зато организация профессионального продвижения имела перспективы. После тщательного анализа реальной и потенциальной текучести, которое было выполнено сотрудником нашей лаборатории Ириной Ефимовной Столяровой, под моим непосредственным руководством была разработана «Технология

профессионального продвижения» (1973г.). Это была достаточно сложная, многоэтапная технология, предусматривающая несколько вариантов смены рабочих мест и потребовавшая создания на заводе специального контрольного подразделения. Ее внедрение в первый же год дало снижение текучести на два процента, что означало для Автогиганта сохранение на рабочих местах 1700 человек.

С этого момента наша исследовательская группа, наряду с выполнением основного плана работ, превратилась в постоянного консультанта руководства Волжского автогиганта в области управления персоналом. По их просьбе было подготовлено, обосновано и внедрено еще шесть широкомасштабных социальных технологий. Меня тогда чрезвычайно радовало отношение руководства ВАЗа к нашим разработкам. От момента завершения нашей работы над технологией до ее внедрения в практику проходило не более двух месяцев. С такой оперативностью мне встречаться не доводилось. И я, и мои коллеги испытывали гордость за свои успехи. Именно тогда я ощутил уверенность в неограниченных возможностях применения социального знания в сфере производства. С улыбкой я вспоминаю сейчас, что за свои «изобретения» мы не получали дополнительно к своей зарплате ни копейки. Мы были рады тому, что нам выдавался официальный акт на внедрение, благодарственные письма, почетные грамоты завода. Так мы проработали на заводе семь лет. За этот период я подготовил и в дальнейшем (в 1985 г.) защитил кандидатскую диссертацию по анализу проблем мотивации индивидуального труда в условиях конвейерного производства. Расставаясь, мы передали свои функции коллективу заводского отдела социологических исследований, созданного руководством завода по моей инициативе и при моем участии. Ее руководителем стал известный среди заводских социологов, выпускник МГУ Владимир Семенович Левин. Сотрудники, которые работали под нашим началом на заводе и жили в г. Тольятти, перешли в заводской социологический отдел. Этот отдел действует и в настоящее время.

Были ли в Вашей лаборатории другие исследовательские направления?

Продолжая свою хозяйственную работу, мы постепенно все в большей степени укрепляли свои позиции по самым различным направлениям социальной инженерии. А.С. Готлиб вела исследования условий адаптации молодежи на предприятиях, О.К. Самарцева занималась анализом социального самочувствия работников, С.А. Ключников работал над проблемами снижением социальной напряженности при внедрении бригадного подряда. Нашими объектами были Самарские предприятия, а также предприятия других областей. В частности, мне довелось поработать в качестве управленческого консультанта на заводе атомного машиностроения в г. Волгодонске (1982–84 гг.), в Строительной организации, соорудившей Хмельницкую атомную электростанцию (1983–87 гг.), и в некоторых других организациях.

В конце 80-х, когда начался экономический кризис, у руководителей предприятий исчез интерес к повышению эффективности управления персоналом. Его заменил интерес к проблемам собственности. Эту перемену ориентации мы почувствовали очень остро. Но тут появилось новое серьезное дело. И это нас основательно выручило. Именно в этот период было принято Государственное решение о создании системы социологического образования в стране. Совместно с Е.Ф. Молевицем и А.С. Готлиб мы проявили инициативу, подготовив предложение об открытии в Самарском университете социологического факультета. Инициатива при поддержке ректората Университета была одобрена в Министерстве высшего образования, и сотрудники социологического центра включились в подготовку к открытию в Самарском государственном университете нового учебного подразделения. Это в значительной степени снизило угрозу «безработицы». Большая часть наших сотрудников была принята преподавателями на новый факультет.

Деканом факультета была назначена «ветеран» лаборатории Анна Семеновна Готлиб, которая к тому времени имела степень кандидата социологических наук. Кафедру «Социологии, политологии и управления» возглавил профессор Е.Ф. Молевич. Я оставался руководителем исследовательского центра, но на мою долю выпала подготовка учебных планов по всем дисциплинам специализации. Коллеги готовили ряд других курсов. Нельзя не сказать о том, что мы не избежали участи периферийных учебных заведений, которые в тот период создавали социологические кафедры. По рекомендации Министерства высшего образования новая кафедра формировалась на базе ликвидированной кафедры Научного коммунизма. Следствие этой рекомендации имело далеко идущие последствия. «Научно-коммунистический акцент» в лекциях преподавателей, перешедших из старой кафедры, не исчезает, к сожалению, до настоящего времени. Но, кое в чем у нас было лучшее положение по сравнению с другими ВУЗами. Мы располагали вполне профессиональным социологическим центром с его сотрудниками и таким консультантом как В.А. Ядов. Поэтому учебные планы и программы Социологического факультета в Самарском университете до сих пор заметно отличаются от аналогичных документов других периферийных учебных заведений.

Факультет расширялся с каждым годом. Сегодня здесь функционирует пять кафедр, аспирантура, докторантура. На кафедрах работают кандидаты социологических наук, подготовленные в аспирантуре факультета. Только мною, в качестве научного руководителя, были подготовлены к успешной защите шесть аспирантов. Это позволило сформировать на факультете творческую группу ученых-исследователей проблем трудовой деятельности и трудовых отношений.

В то же время наш социологический исследовательский центр не свернул своей деятельности. Новая региональная власть, которая установилась в области после событий 1991 года, к нашей радости, стала проявлять к социологам не меньший интерес, чем прежняя. Может быть, этому способствовала наша активная презентация своей деятельности. Мы в те времена систематически выступали в печати, появлялись на телевизионном экране. Так или не так, но нам предложили сотрудничать, и у нас появился очень большой объем работы. Это позволило преобразовать наш социологический центр в Научно-исследовательский институт «Социальные технологии» при Самарском университете и приступить к систематической работе по заказам областной администрации. Официальное руководство институтом возглавил Е.Ф. Молевич. Мне, как директору по науке, было поручено руководить научной деятельностью этого института и вести переговоры с заказчиками.

Мне приходилось слышать о начале Вами в начале перестройки региональном промышленном мониторинге. Не могли бы Вы рассказать о нем подробнее? Подолжается ли этот проект сейчас?

Да, наиболее солидным проектом в рамках нашего сотрудничества с администрацией города и области стал «Мониторинг социально-трудовой сферы промышленности и социальных организаций области». Его начало относится к 1995 году. Экономическая обстановка в области была сложной. На предприятиях отмечался высокий уровень социальной напряженности. И мне представилось весьма своевременным предложить руководству области программу постоянного отслеживания социальной и социально-экономической ситуации на промышленных предприятиях. При этом предполагалось сосредоточить внимание преимущественно на социальных проблемах использования трудового потенциала предприятий, организаций, и на проблемах его воспроизводства в условиях перестройки. Многомерное пространство трудовых, управленческих, правовых и социальных отношений, порождающих эти проблемы, в предлагаемом проекте обозначалось как социально-трудовая сфера. Для

начала в ее пределах было выделено более десяти различных направлений анализа.

Предложение было одобрено губернатором области. Правда, этому предшествовал мой доклад на экономическом совете области. Но с тех пор, в соответствии с этим замыслом ежегодно, на шести группах объектов области, до настоящего времени осуществлялись выборочные опросы и анализ документов обследуемых организаций. Регулярно обследуются промышленные, строительные, транспортные предприятия, медицинские, социальные учреждения, а также учреждения культуры. Акцент на социальных проблемах позволяет администрации области своевременно видеть просчеты руководства предприятий и организаций в работе с персоналом. Позволяет он также дать оценку мерам по совершенствованию социальной политики Правительства области.

Важной особенностью осуществляемого проекта является то, что работа осуществляется с участием областных органов статистики. Известно, что закрытость статистиков – это извечная проблема многих социологов страны. В Самарской области эту закрытость удалось преодолеть. Статистики входят в состав исследовательской группы. Это позволяет осуществлять сравнительный анализ объективных и субъективных данных.

Непосредственным руководителем проекта с начала его основания является кандидат социологических наук, доцент Н.В. Авдошина. Я взял на себя функции консультанта исследований. Основные аналитики – кандидаты социологических наук доценты Ю.В. Васькина и В.Ю. Бочаров. Мне приятно осознавать, что все они были моими аспирантами. Не теряют они контактов со мной и в настоящее время.

С начала осуществления проекта промышленного мониторинга прошло 14 лет. Но до последнего времени он вызывал неизменный интерес у руководства области. В конце 90-х годов было решено еще более расширить круг объектов анализа. Аналогичный мониторинг был начат в сфере сельского хозяйства области. В качестве руководителя мониторинга социальных проблем села работает «ветеран» нашего социологического центра А.Ф. Боковенко. Материалы исследований в рамках этого, нового проекта позволили чиновникам области сделать для себя немало серьезных открытий, о чем они, не стесняясь, говорят на совещаниях по обсуждению материалов мониторинга. Недавно, с помощью Самарского научно-исследовательского института, проект мониторинга социально-трудовой сферы задействован в Пермской области. И там он также вполне устраивает областное руководство. Успехи сотрудников Самарского научно-исследовательского института в работе над проектом «Мониторинг» не остались незамеченными. Разработка была отмечена Губернской премией за заслуги в области науки и техники. Инициатору и автору программы, а также руководителям обоих направлений мониторинга были присвоены звания лауреатов этой премии.

В заключение рассказа о своей социологической жизни следовало бы упомянуть о такой ее немаловажной составляющей, как наше социологическое научное сообщество социологов труда. Сейчас оно имеет официальное название: Научно-исследовательский комитет «Социология труда» РОС. Сформировалось же оно в рамках Советской социологической ассоциации в 1985 году. Руководство им осуществлял в те годы Б.В. Ракитский. Но уже в 1987 году он передал, через процедуру перевыборов, свои полномочия мне, воспользовавшись представительным сбором социологов труда на Всероссийской конференции в Самаре.

С этого момента Самарский государственный университет стал центром неформального творческого сообщества социологов, которые работали в области социальных проблем трудовых отношений и трудовой деятельности. И мне довелось стать координатором всей этой работы. В университете проводились регулярные теоретико-практические семинары и конференции по актуальным темам социологии труда. Для участия в них приезжали социологи из самых разных уголков страны.

В числе постоянных участников были А. Алексеев, В. Герчиков, А. Готлиб, И. Козина, Л. Кесельман, Б. Максимов, В. Маркин, П. Романов, А. Русалинова, М. Слюсарянский, Ж. Тощенко, В. Щербина, Я. Эйдельман и многие другие. Место проведения научных встреч не ограничивалось Самарой. Семинары проходили в Ленинграде, в Пензе, во Владимире, в Перми. С докладами перед участниками семинаров выступали в те годы Н. Дряхлов, А. Здравомыслов, Л. Косалс, О. Маслова, А. Назимова, А. Пригожин, Н. Покровский, Р. Рывкина, А. Тихонов, В. Ядов и ряд других ученых. Это была весьма интересная и серьезная школа для всех ее участников. Материалы встреч публиковались в Научных сборниках университетов, в которых проходили эти встречи.

На семинарах рассматривалась, например, и была одобрена первая учебная программа «Социология труда» для социологических факультетов ВУЗов. Здесь впервые были представлены и обсуждались идеи о демократизации управления в рабочих бригадах, реализованные на ВАЗе (Б. Тукумцев) и о люмпенизации трудовой деятельности в СССР (В. Герчиков). Впервые рассматривались отечественные методики оценки восприятия заработной платы и идентификации работающих со своей организацией.

Владимир Александрович Ядов говорил мне о подготовке большой книги по социологии труда. Он писал, что Вы – мотор этой работы, а он – шпindelь... Закончили? В чем суть этого труда? Что удалось сделать?

Это был наиболее значимый совместный проект нашего научного социологического содружества. Его результатом стало создание теоретико-прикладного толкового словаря «Социология труда». Инициатива по его созданию исходила, действительно, от меня. Мне тогда, в 2001-м году показалось разумным подвести на грани веков некоторый промежуточный итог теоретических и прикладных исследований в сфере социологии труда, которые выполнялись в нашей стране во второй половине минувшего века. Представлялось вполне своевременным свести воедино и осмыслить тот понятийный аппарат, который используется российскими социологами труда в своих научных разработках и учебных пособиях. Я посоветовался с Владимиром Александровичем Ядовым и он эту идею поддержал. Нашла она поддержку и у коллег – членов нашего сообщества «трудовиков». Владимир Александрович согласился взять на себя роль ответственного редактора, но при условии, что я буду редактором составителем.

Работа по подготовке 400 статей словаря заняла три года. В ней приняли участие более пятидесяти авторов из Университетов и академических институтов России, а также Белоруссии. В нее, прежде всего, вошли исследователи и преподаватели, которые являются постоянными участниками встреч в рамках нашего «трудового» сообщества. Но наряду с этим мы обратились с предложением принять участие в работе над словарем к авторам статей и монографий по проблемам труда и трудовых отношений, опубликованных за последние годы. Почти все дали свое согласие на сотрудничество. И оно было успешным. Нельзя не отметить при этом, что группа авторов из Самары, была наибольшей, как по числу авторов, так и по количеству написанных статей. Самарское социологическое сообщество подтвердило свою приверженность и научный интерес к проблемам социологии труда, заложенные еще многие годы назад в сотрудничестве с ленинградцами.

Обязанности тематических редакторов в работе над словарем взяли на себя В.И. Герчиков, С.Г. Климова, В.В. Щербина (Москва), П.В. Романов, В.Н. Ярская (Саратов), М.А. Слюсарянский (Пермь), Я.Л. Эйдельман (Владимир).

В качестве ученого секретаря поддерживал постоянное взаимодействие участников проекта, с присущей ему четкостью и обстоятельностью, В.Ю. Бочаров (Самара).

Словарь, объемом в 400 страниц (27,0 п.л.), вышел из печати в издательстве «Наука» в 2006 году. Его тираж составил 2000 экз. Он стал первым такого рода социологическим изданием в России. На ежегодном конкурсе социологических изданий, проводимом Российским обществом социологов, ему было присуждено первое место. Все пятьдесят семь участников этого исследовательского проекта были отмечены «Почетными грамотами Российского общества социологов (РОС)».

Вот, пожалуй, все, что может, как-то кратко характеризовать мою работу в сфере социологии труда до 2005 года. А в 2005 году состоялся мой переезд в Санкт-Петербург, «возвращение к родным пенатам» и начало работы в Социологическом институте Академии наук.

Вы, действительно, хорошо известны в Ленинграде. Почему Ленинград, а не Москва? Или и Москва тоже?

Я думаю, что из всего, о чем я говорил ранее, становится ясным, почему я имею больше дружеских контактов в питерском социологическом мире, чем где-либо еще. Тем не менее, мне доводится достаточно часто бывать и на московских социологических тусовках. После переезда В.А. Ядова в Москву я стал появляться там чаще. Но дружба с москвичами чаще завязывалась не столько в связи с моими появлениями в Москве, сколько во время их посещения по нашему приглашению Самары. Именно в Самаре мы знакомились и обсуждали новости социологического мира Москвы. Там мы узнавали, кто над чем работает, чем интересен. Слушали научные сообщения москвичей на наших семинарах и конференциях. В Самаре постепенно сложилась благоприятная обстановка для таких встреч. Поэтому москвичи, и не только москвичи, с удовольствием приезжали к нам. Кроме вполне устраивающих их дискуссий на социологические темы у нас была еще Волга во всей своей красе и наше традиционное гостеприимство.

Пожалуйста, охарактеризуйте области Ваших научных интересов. Как они менялись? Под воздействием чего?

В течение первых лет моей работы на социологическом поприще мои представления о собственной научной ориентации сформировались не сразу. Тем не менее, по мере «вхождения в роль» становилось очевидным, что я работаю в сфере социологии трудовой деятельности. И это позволяло мне говорить о том, что это и есть предмет моих научных интересов. Но этим дело не могло ограничиться. Социо-инженерный характер моей работы на объектах исследования, ее прикладная направленность не позволяли оставаться в рамках только социологии труда. Внедрение в практику наших рекомендаций, основанных на результатах социологического анализа каких-то практических проблем, требовало вмешательства в сферу управления персоналом. Это побудило меня к серьезному знакомству с этой областью знаний. Я подготовил и опубликовал ряд статей по социальным проблемам управления. Довелось участвовать в дискуссиях о предмете социологии управления. Мною был подготовлен и прочитан соответствующий курс лекций для студентов Социологического факультета. Таким образом, в рамках моих интересов оказалась и социология управления.

Поскольку я занимался социальными технологиями, мне стали необходимы знания, навыки и в этой области социо-инженерной практики. И я знакомился с опытом такой работы в России и за рубежом. Все это помогло мне предложить и внедрить на предприятиях более десятка социальных технологий. Материал этих поисков стал основой курса лекций для студентов и по этой теме. Не исключено, что меня можно считать социо-инженером, имеющим опыт разработки и внедрения социальных инноваций.

И, все-таки, несмотря ни на что, мои интересы находятся, прежде всего, в сфере социологических проблем трудовой деятельности. Причем, с годами я все больше

уделяю внимание теоретическим основам этой научной дисциплины.

По мере работы в области социальных исследований трудовой деятельности у меня накапливалась неудовлетворенность тем, насколько ограниченно мы используем возможности собственно социологии в исследованиях трудовой сферы. Судя по публикациям, это не только мое мнение. Сейчас можно увидеть статьи, в которых говорится о том, что социология труда начала исчезать. Что ее предмет «растаскивается» по смежным социологическим дисциплинам. Что явно экономические или психологические исследования в области труда начинают называть социологическими. Что происходит психологизация социологии труда. Кстати, об угрозе «психологизации» социологии еще в 1971 году говорил в своем докладе А.Г. Здравомыслов, выступая на городском семинаре ленинградских социологов в доме ученых, на котором я присутствовал. К сожалению, Андрей Григорьевич оставался одинок все последние годы в своих опасениях за «социологичность» социологии труда и в своих поисках ее усиления. Наконец, многими отмечается тот факт, что в наших ведущих социологических журналах исчезла рубрика «Социология труда».

Мне представляется вполне вероятным, что причины всего этого сложились под влиянием той специфической ситуации, которая имела место в период возрождения социологии в России. Еще в 60-х годах. Следует вспомнить о том, что в середине минувшего века, когда радостно воспринимался «ренессанс» отечественной социологической науки, объект и предмет социологии труда были определены очень нечетко. Можно предположить, что на это не хватало ни времени ни сил. Да и достаточных знаний. Как пишет в своей книге «Социология труда» Данило Ж. Маркович: «В Советском Союзе утверждение социологии труда как особой науки началось не с дискуссий о ее предмете, а прежде всего с констатации тех изменений, которые произошли в содержании и характере труда в связи с автоматизацией, техническим прогрессом...». (2) Не исключено, что серьезной причиной отказа от дискуссий по поводу предмета социологии труда во второй половине XX века были жесткие рамки идеологических условий советского периода, когда кроме Маркса никакие иные авторитеты не признавались. Разумеется, крупные, классические исследования того времени (имеется в виду исследование «Человек и его работа», «Рабочий класс и научно-технический прогресс» и некоторые другие) сопровождалась теоретическими разработками отдельных изучаемых проблем. Но они и не ставили своей задачей создать общие теоретические основы такой науки, как социология труда.

Это привело к тому, что к компетенции отечественной социологии труда на начальном этапе был отнесен неоправданно широкий круг социальных проблем и социальных аспектов промышленного труда и управления им. Она была в тот период единственной научной дисциплиной, к которой обращались и в русле которой работали и заводские социологи, и исследователи академических институтов. Словом все, кто был занят социальным планированием, стабильностью персонала, адаптацией молодых рабочих и многими другими частными проблемами трудовой практики. Соответственно проблематика социологии труда была весьма обширной. Она включала в себя развитие трудовых коллективов, оптимизацию управления ими и их структуры. Под ее эгидой анализировались проблемы профессионального роста и адаптации молодых работников, условий труда, мотивации труда и образа жизни, социальных аспектов содержания труда и профилактики заболеваний, уровня жизни, межличностных отношений, отношений в коллективе и психологического климата.

Это была, по сути, не столько социология трудовой деятельности, сколько социология деятельности предприятия. Или социология социально-трудовой сферы производства. Не случайно многие исследователи того времени (в том числе и В.Г. Подмарков) называли эту отрасль социологических знаний среднего уровня

«промышленной социологией».

Так не могло продолжаться долго. Начиная с 70-х годов, одним из последствий сложившейся предметной неразберихи стал «процесс распада» социологии труда. От нее постепенно начали «отпочковываться» и институционализироваться в самостоятельные научные дисциплины «Социология управления», «Социология организаций», «Экономическая социология», «Физиология труда», «Психология труда», «Эргономика», «Социология профессий». Те проблемы, которые они уносили с собой, были действительно их проблемами. Все чаще и чаще, по мере становления самостоятельных дисциплин, стали появляться претензии, что социологи труда работают «не на своем предметном поле». Все это можно было назвать кризисом социологии труда, как научной дисциплины.

Мне представляется, что настало время вернуться к уточнению и обоснованию объекта и предмета социологии трудовой деятельности. А также к определению характера ее взаимодействия с другими социологическими и социальными дисциплинами, действующими в сфере труда. Это бы позволило укрепить научные и исследовательские позиции заслуженной дисциплины в научном мире и открыть простор для творческого переосмысления ее возможностей в новых социально-экономических условиях.

К коррекции теоретических позиций подталкивает и общее повышение уровня социологического знания. Нельзя не видеть того, какой путь прошла за последние годы мировая и отечественная социология. В созданном ею полипарадигмальном научном мире необходим поиск возможности новых подходов к анализу трудовой деятельности, позволяющих получить новое знание в этой сфере, учитывающее, в том числе, и глобальные изменения в характере факторов социальной деятельности вообще.

..т.е. от теории никуда не уйти...

Да, безусловно, несмотря на длительный срок прошедший после осознания проблемы, не завершена дискуссия об объекте и предмете социологии труда. Нам представляется, что когда мы рассматриваем человека в труде исключительно как субъекта трудовой деятельности, достаточно обоснованным стал бы отказ от использования в качестве объекта социологического анализа понятия «труд» и замены его термином «трудовая деятельность». Хотя эти понятия и синонимичны, нам представляется, что именно в трудовой деятельности, содержатся и появляются вновь те социальные проблемы, функционируют социальные механизмы и отношения, которые относятся к компетенции социологии. Аналог такого подхода можно увидеть и в одном из современных определений объекта самой социологии. «В качестве своего объекта эта наука традиционно рассматривает общество. Но для нынешней социологии, пишет известный польский ученый П. Штомпка, общество – это не конкретный коллектив, не конкретная людская группа, а скорее своеобразный вид деятельности, заявляющий о себе самыми разнообразными способами в различных коллективах, совокупностях, группах, формирующихся на разных уровнях» (3). Ориентация социологии труда на исследование деятельности в трудовой сфере позволяет более взвешенно подойти и к определению ее предмета.

Многообразие подходов, которое характерно для современного состояния социологии, допускает неодинаковость предметов исследований. Это применимо и к социологии труда. Так, например, марксистский подход предполагает сегодня в качестве своего предмета – отношение к труду. Здесь сформировались свои школы, своя теоретико-методологическая база, свои обоснования возможностей такого подхода. Активистски-деятельностный и институциональный подходы формируют в рамках социологии труда свои предметы исследований. В то же время следует заметить,

что преимущества и недостатки этих подходов очень слабо подвергнуты специальному теоретическому анализу.

В настоящее время мои усилия направлены на более полное раскрытие возможностей хорошо известного, но, на наш взгляд, практически не используемого в отечественных исследованиях – культурного, и если следовать примеру Дж. Александера, то «культурального подхода». Использование необычного термина объясняется попыткой культуральных социологов размежеваться с исследователями, занятыми в области социологии культуры. Исторически сложилось так, что и там определения понятия «культура» очень похожи. И там, и там культура рассматривается как способ жизни.

Тем не менее, это сходство чисто поверхностное. В методологии культурального подхода культура занимает принципиально иное место в деятельности людей, нежели то, которое ей отводится, традиционной социологией культуры. В социологии культуры под понятием «культура» понимается зависимая переменная, которая формируется под влиянием изменений в содержании деятельности и в социальной структуре общества. Культуру рассматривают как эпифеномен социального, как совокупность результатов деятельности людей, как социальное наследие. Отсюда идея культурного лага, неизменного отставания культуры от событий социальной действительности. Что касается культуральной социологии, то здесь культуре отводится совершенно иное место в деятельности людей. Она рассматривается как координатор, формирующий и регулирующий социальную деятельность. Как «движитель» социальных изменений.

(4)

Приобретающий в настоящее время все большую популярность в мировой социологической практике, культуральный подход предполагает в качестве своего предмета «культуру трудовой деятельности».

Преимущество использования такого подхода заключается в возможности более глубокого анализа социальных механизмов трудовой деятельности во всем их многообразии и полноте. На наш взгляд, он дает возможность достаточно обоснованно прогнозировать характер и качество этой деятельности на перспективу и находить средства влияния на нее.

Как изменилась Ваша работа после переезда в Петербург?

После переезда в 2004 году в Петербург, с началом работы в Социологическом институте РАН, я использую открывшиеся здесь возможности как раз для работы над теоретическими проблемами современной социологии трудовой деятельности во всех ее ипостасях. В частности, большой интерес для методологических поисков представляют такие объекты исследования как научная и инновационная деятельность. В фокусе моих разработок культуральный подход к социологическому анализу именно этих видов деятельности. На Всемирном социологическом конгрессе в Дубаи в 2006 г. развитию культурального подхода было уделено значительное внимание. Но отечественная исследовательская практика еще не имеет опыта его использования. Я делаю в пределах моих возможностей попытку накопить такой опыт и благодарен В.А. Ядову, который поддерживает мои усилия. С коллегами по сектору нашего института в 2007–2008 гг. мы реализовали программу первого небольшого эмпирического исследования на основе культурального подхода. И у нас складывается впечатление, что взятое нами направление работы достаточно перспективно. Разумеется, мы не рассматриваем используемый нами подход в качестве панацеи. Реальны и необходимы поиски и других путей реализации возможностей социологической теории в анализе проблем трудовой деятельности. Но они пока что ждут своих исследователей.

Как-то незаметно мы подошли к нашим дням, но мне хотелось бы вернуться к

прошлому, к смерти Сталина и выступлению Хрущева. Вы были уже зрелым по возрасту человеку, многое видевшим, жившим в семье, много пережившей... как Вы восприняли эти события? Помимо войны эти события были формирующими Ваше поколение... Может быть, осмысление всего происходившего в те годы и практика партийной работы «раскрыли Вам глаза» и постепенно привели в социологию?

Что касается моего восприятия решений XX партийного съезда, то для меня, пожалуй, большей неожиданностью была смелость и решимость разоблачителей культа личности Сталина, которую они проявили, чем сам факт ниспровержения этого культа. Правда, в дальнейшем, многие годы спустя, я понял, что эта «смелость» помощников вождя была порождена страхом перспективы оказаться в числе ответчиков за все содеянное вместе с ним. Ведь это были люди одной политической культуры. Судя по всему, они решили опередить события и раскрыли факты сталинского произвола, о которых рядовые члены правящей партии и понятия не имели. Но тогда у меня сложилось ощущение предстоящих коренных перемен в жизни страны. Тем более, что действительно в те годы страна стала жить заметно иначе. Что же касается Сталина, то в моей юношеской и более позднего периода памяти накопилось немало фактов не в его пользу, а точнее, не в пользу проводимой им политики. Поэтому для меня он уже длительное время был не светлым образом лидера, а своего рода «злым гением». Хотя, как я уже говорил ранее, в истинность коммунистической идеи я, тогда еще, как и многие мои сверстники, веры не терял.

В ту пору мне не следовало обсуждать происходящее. Мы были приучены опасаться подобных разговоров. Был выработан своеобразный «инстинкт самосохранения». Репрессии по отношению к людям, которых я знал, даже после войны не прекращались. И эти репрессии постепенно освобождались в моем восприятии от сложившейся еще в детстве уверенности в их необходимости. Понимание необоснованности, противоестественности таких мер, стало приходить ко мне особенно после встреч со ссыльными в Сибири, где я некоторое время после окончания института жил. Появлялись вопросы и сомнения, которыми я ни с кем не мог поделиться. Еще во время учебы в институте мой однокурсник на семинаре по истории партии спросил у преподавателя, почему у принципа «демократический централизм» в реальности действует только его вторая часть. Его осудили по 58 статье за антисоветскую агитацию. В 1949 году была репрессирована вся кафедра марксизма-ленинизма Ленинградского железнодорожного электротехнического института, в котором я учился. Годом позже мимо меня по транссибирской железной дороге, где я работал, прошли эшелоны, в которых везли на поселение в Сибирь крестьян с Западной Украины и Прибалтики. Их везли под охраной, с собаками и пулеметами на крышах вагонов. Вместе с детьми и стариками.

В те годы мне стали известны факты репрессий в отношении освобожденных из плена солдат Красной армии. Дальний родственник моей семьи в 1942 году в составе миллионной группировки наших войск, окруженной немцами под Харьковом, оказался в немецком плену. При возвращении на родину в 1945 году он по ранению, а может быть потому, что сотрудничал со СМЕРШ-ем, был отпущен домой. Но из его рассказов следовало, что все остальные обитатели его барака в немецком лагере были по прибытии на родину арестованы. Их отправили в Воркуту, в лагерь для заключенных без предъявления обвинений. В моих представлениях это не находило оправданий. Ведь была объявлена амнистия.

В литературных источниках, которые нам рекомендовались в институте по курсу «Основ марксизма-ленинизма» и которые я внимательно читал, я не находил оснований и объяснений происходящего беспредела «в обществе победившего социализма». Меня ставили в тупик публичные славословия в адрес Сталина, которые невероятно умножились после его семидесятилетия. Это было какое-то повальное низкопробное

угодничество. Эпитеты, употребляемые в обращениях «к великому вождю всех времен и народов, любимому товарищу Сталину», ассоциировались у меня с обращениями эмиров к шаху в популярных в те времена веселых рассказах о похождениях Ходжи Насреддина.

Поэтому решение съезда было воспринято мною как заслуженное историческое осуждение Сталина в рамках партии. Партия, как мне казалось, как бы очищала себя, отрекаясь от сталинского стиля и методов. Я верил в то, что теперь все будет по иному. Но, как оказалось, я серьезно ошибался. Партия-монополист прекратила репрессии против своих граждан. Но она не стала ни демократичнее, ни эффективнее. При новых генсеках она все более бюрократичивалась и расширяла поле действия телефонного права и кумовства.

Для меня это стало особенно очевидным, когда уже значительно позже, в конце 60-х годов, как руководитель предприятия, претендующего на «образцовость», я был неожиданно избран на пост второго секретаря городского райкома партии г. Куйбышева (Самары). Вот тогда-то я вплотную столкнулся непосредственно с деятельностью этой партийной машины. Разумеется на городском и региональном уровне. И был окончательно разочарован. Партия потеряла в моих глазах свою особую роль лидера экономического и социального развития.

Работал я в качестве секретаря, в ведении которого находилась промышленно-экономическая деятельность района. Очень скоро я понял, что всей своей деятельностью я дублирую государственные структуры управления. Партийные комитеты всех тех уровней, с которыми я был связан, ни в какой мере не использовали методы политического руководства. Здесь командовали. Причем нередко поступаясь принципами внутрипартийной демократии и морали. Важнейшим аргументом для принятия решения было словосочетание: «Есть мнение..». Формализм в работе партийных чиновников просто поражал. Создавалось впечатление, что никому ничего не надо, если это не связано с его личными интересами. Мои робкие попытки внести что-то новое, что-то изменить, как правило, не находили поддержки. Мы работали по заданному один раз навсегда алгоритму. Это была угнетающая рутин.

Мое пребывание на партийной должности только в одном отношении оказалось продуктивным, причем для меня самого. Я получил доступ к закрытым партийным изданиям, работам зарубежных авторов по теории социализма, к документам ЦК, в том числе к засекреченным докладом о состоянии советской экономики, о положении в странах Варшавского договора и т.п. Знакомство с этими документами и изданиями заставило меня расстаться со многими капитальными иллюзиями. В том числе с возможностью построения в нашей стране на существующей политической и экономической основе коммунистического и, даже, социалистического общества. Тогда же начало меняться мое отношение и к так называемым «ленинским идеям по превращению России в социалистическое государство». Более полное понимание несостоятельности этих концепций, и даже их авантюрного характера, пришло позже, уже в годы перестройки.

Положение партийного руководителя района открывало для меня возможность личного общения с руководителями крупных промышленных, исследовательских и строительных организаций. Причем нередко в неформальной обстановке. Специалисты в области современных технологий, заслуженные руководители, имеющие огромный опыт создания и развития крупных производств, не стеснялись делиться со мной своими впечатлениями о происходящем в стране. Это были весьма откровенные нарративы, из которых складывалась достаточно яркая картина экономической и социальной политики государства в представлениях моих собеседников. Здесь было о чем задуматься и чем ужаснуться. Поскольку собеседники были со мной достаточно откровенны, я услышал в ту пору немало нелестных слов и в адрес местного партийного

руководства и вынужден был соглашаться с такой оценкой. Все это не прибавляло мне оптимизма.

Я начал думать о том, как уйти с партийной работы. Выручила меня, хоть и не хорошо так говорить, болезнь. В связи с нею мне разрешили перейти на работу в аппарат управления железной дороги.

На вопрос о том повлияли ли мои разочарования на решение заняться социологической наукой, я должен ответить отрицательно. Я действительно решил после всего пережитого заняться научной деятельностью. Но то, что я оказался в социологии, связано, все-таки, со счастливой случайностью и, очевидно, с моим обостренным в ту пору интересом к проблемам управления и к исследовательской работой вообще.

Выше вы заметили, что в Вашем приходе в социологию значительную роль сыграл Е.Ф. Молевич. Не могли бы Вы чуть подробнее рассказать о нем? К сожалению, я никогда не встречался с ним, не знаю его работ. Если есть возможность, то осветите подробнее и работу Самарских социологов в целом.

С Евгением Фомичем Молевичем я познакомился в 1970 году в процессе подготовки и сдачи кандидатского экзамена по философии. Незадолго до этого он приехал в г. Куйбышев из Свердловска (Екатеринбурга). Там он работал на кафедре у М.Н. Руткевича, окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В Куйбышев он был приглашен на должность заведующего кафедрой философии Политехнического института. Человек высокой эрудиции, блестящий лектор, он быстро завоевал к себе симпатии, как в студенческой среде, так и среди партийно-хозяйственного актива города. В своих лекциях он умело использовал факты современности, находил ответы на любые «каверзные» вопросы. Его критика недостатков в действиях органов власти, умело удерживаемая в рамках допустимого, положительно отмечалась на высоких политических этажах. Поэтому не случайно, когда встал вопрос о создании в городе первого социологического подразделения, местом его «прописки» была определена кафедра философии Политехнического университета.

Евгений Фомич успешно справился с этой задачей. Лаборатория была создана в 1969 году, и ему пришлось взять на себя научное руководство этим новым научным подразделением. Однако, это не совпадало с его интересами. Его не увлекала исследовательская деятельность, особенно в сфере производства, о чем он откровенно говорил сам. Поэтому он приложил немало сил, чтобы найти себе преемника, который бы, будучи сотрудником кафедры и находясь в его подчинении, осуществлял научное руководство деятельностью лаборатории. Таким преемником с 1971 года стал я, о чем я уже ранее говорил. Не вмешиваясь в ход исследований, Е.Ф. Молевич не снимал с себя кураторство нового научного коллектива и был своеобразной «крышей», оберегающей его деятельность. Такой «тандем» устраивал всех.

Но уже через год, совершенно неожиданно для работников лаборатории, Евгений Фомич покинул пост заведующего кафедрой. Затяжной конфликт с руководством института и партийной организацией, не имеющий, кстати, отношения к «социологическим опытам», завершился его увольнением. И лаборатория на долгие шесть лет осталась «один на один» со всеми проблемами начинающего научного подразделения. Она тут же ощутила на себе весь консервативный пыл общественных кафедр, которых не оставляли надежды ее закрыть и которые писали петиции во все инстанции. Начинающим социологам пришлось выдержать несколько комиссионных проверок, в том числе из Министерства высшего образования. В Куйбышеве для знакомства с работой лаборатории, по просьбе кого-то из министерских проверяющих, побывал в ту пору А.И. Пригожин из ИКСИ АН СССР. Лабораторию не закрыли.

Ана кафедру пришел новый заведующий Н.С. Нилов. Он познакомился с заключениями работавших в лаборатории комиссий и предпочел в ее дела не вмешиваться. И страсти постепенно утихли. А социологи, продолжали свою работу, опираясь на поддержку ленинградцев и на свой более или менее уже накопленный опыт.

Позже судьба вновь свела меня с Е.Ф. Молевичем. После ухода из Политехнического института он поступил на кафедру философии вновь созданного в г. Куйбышеве Государственного университета. Там он защитил докторскую диссертацию. Если не ошибаюсь, по проблемам диалектики природы. Это позволило ему через некоторое время занять место заведующего вновь образованной, в том же университете, кафедры научного коммунизма. И тогда он обратился к нам с предложением «сменить прописку», перейти в университет и обосновать там лабораторию при его кафедре. Мы были рады такому приглашению. Мы помнили организационную поддержку, которую оказывал нам Евгений Фомич в первый год нашей работы, и воспользовались возможностью вновь работать с ним. Наш «тандем» был восстановлен. Для нас было немаловажным и то, что ректором университета в то время стал тот самый бывший заведующий отделом науки Областного комитета партии Виктор Васильевич Рябов, который курировал создание социологической лаборатории в Политехническом. К концу 1979 года почти все сотрудники лаборатории перешли на работу в университет. С этого момента центром социологической деятельности в области стал Куйбышевский, а после переименования города – Самарский государственный университет. И мы, на радостях, инициировали введение Е.Ф. Молевича в состав Правления Советской Социологической Ассоциации, действовавшего в те годы в Москве.

Там не преминули воспользоваться этим, и поручили Е.Ф. Молевичу создать на базе Самарского социологического центра Поволжское отделение ССА с центром в Самаре. В это отделение должны были войти социологи шести регионов Средней Волги от Республики Татарстан до Астрахани. Сложность этого задания заключалась в том, что объединять в тот момент было некого. Необходимо было еще создать социологические сообщества в большей части этих областей. Евгений Фомич с большой группой сотрудников лаборатории побывал в областных центрах пяти областей и в Татарстане, которые были кандидатами на включение в состав Поволжского отделения ССА. В каждой из них проходила встреча с партийным руководством. На ней обсуждалось создание областной социологической ячейки ассоциации и перспективы ее совместных действий с Поволжским отделением. Затем проводились социологические чтения с участием всех местных социологов и преподавателей общественных кафедр, занимающихся социологическими исследованиями. Приехавшие из Самары научные сотрудники рассказывали о своей работе и делали доклады по результатам выполненных исследований.

Я постоянно участвовал в этих поездках и видел, с каким интересом и удовлетворением встречали наш приезд работающие в этих регионах заводские и вузовские социологи. Этого нельзя сказать о некоторых партийных руководителях. Секретарь Волгоградского обкома по идеологии, например, вообще отказался принимать нашу делегацию. И нам пришлось сутки ждать, пока к нему не поступит соответствующее распоряжение из ЦК. Работа по созданию нового отделения ассоциации была предусмотрительно согласована Правлением ССА с партийным руководством страны. Вся эта организационная работа продолжалась около полугода и завершилась в мае 1980 года организационной конференцией Поволжского отделения ССА. Она прошла в Самаре. От имени Правления ССА участников конференции – делегатов из регионов приветствовал профессор А.Г. Здравомыслов. Председателем отделения был избран Е.Ф. Молевиц.

Поволжское отделение функционировало до отпуска ССА. Ежегодно оно проводило Поволжские социологические чтения с участием социологов всех областей-

участников. Приглашались социологи этих областей и на все семинары, которые проводились в Лаборатории Самарского университета, а также для участия в издаваемых научных сборниках. Регулярное общение с новыми членами ассоциации убеждало в том, что участие в работе нового отделения открыло для них новые возможности.

В конце 80-х годов, когда в стране началось создание системы социологического образования, мы серьезно задумались над возможностью подготовки социологов в нашем Университете. В лаборатории к этому моменту работало уже три кандидата наук: И.Е. Столярова, А.С. Готлиб и Ваш покорный слуга. Как я уже говорил выше, совместно с Е.Ф. Молевичем и А.С. Готлиб мы проявили инициативу в подготовке и обосновании предложения об открытии в университете социологического факультета. И здесь организаторский талант Евгения Фомича проявился вновь. Он добился того, чтобы ректорат Самарского университета обратился в Министерство высшего образования с подготовленным нами предложением организовать социологический факультет на базе социологической лаборатории и кафедры Научного коммунизма. И создание факультета было разрешено. Основным аргументом в пользу его создания было наличие в Самарском университете уже известного в стране социологического центра, располагавшего к тому времени квалифицированными научными сотрудниками. Первым деканом факультета стала Анна Семеновна Готлиб, кандидат социологических наук, одна из «ветеранов» нашей социологической лаборатории. Евгений Фомич возглавил кафедру «Социологии, политологии и управления». Он взял на себя чтение курса теоретической социологии. Этот курс он читает и в настоящее время. В конце 90-х годов он опубликовал свои лекции в виде нескольких монографий. Позднее был подготовлен еще ряд его учебных пособий. Среди его статей наиболее известна в среде социологов-«трудовиков» статья, опубликованная в «Социсе» в 2001 году: «Труд, как объект и предмет исследований общей социологии». Присутствие в названии его кафедры дисциплины «Политология» не в последнюю очередь связано с тем, что Е.Ф. Молевич уже в течение многих лет занимается этим предметом, участвует в избирательных баталиях и читает студентам лекции по политологии.

Завершая ответ на Ваш вопрос о работе самарских социологов, можно сказать, что вся их многолетняя история представляет собой нетривиальный пример создания социологической цивилизации в одном из провинциальных регионов России, где о социологии мало кто слышал. В те далекие времена в Куйбышеве (ныне Самаре) не было ни университетского философского факультета, ни сколько-нибудь известной кафедры философии или психологии. Тем не менее, по прошествии 40 лет, созданная в конце 60-х небольшая социологическая лаборатория технического ВУЗа, превратилась в общепризнанный в России центр социологических исследований в области социологии труда. Её последнее наименование – НИИ «Социальные технологии» Самарского университета. На протяжении последних двадцати лет отсюда в рамках РОС осуществлялась координация сотрудничества социологов, работающих в области социальных проблем труда или преподающих социологию труда. Здесь было издано большое число общероссийских сборников научных статей по проблемам труда. Здесь располагался «редакционный штаб» по изданию первого в стране теоретико-прикладного словаря «Социология труда». Высокая квалификация работников лаборатории позволила создать в университете социологический факультет. За последние годы здесь подготовлено значительное число высококвалифицированных научных кадров. Общий курс социологии читается во всех высших учебных заведениях г. Самары и в большей части лицеев и гимназий. В области работает несколько коммерческих социологических центров. А многие руководители области, что немаловажно, освоили социологическую терминологию и начали понимать возможности социологического анализа. Покидая в 2005 году Самару, мне было не стыдно за свое участие в том, здесь было сделано и организовано. Я благодарю судьбу за то, что она предоставила мне

возможность длительное время сотрудничать с подлинными энтузиастами, моими коллегами. Я горжусь своими учениками и уверен в их успехах.

Литература

1. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь /Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. – 426 с.
2. Маркович Д. Социология труда: Учебник. М.: Изд-во РУДН, 1997. С. 27.
3. Штомпка П. Социология. М.: Логос, 2005. С. 25.
4. Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press. 2003.P.12.